

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-196-208
УДК 316.613

Научный репортаж

Влияние Т.Г. Стефаненко на становление Азербайджанской школы этнопсихологических исследований

Ю.Э. Ширков¹, А.А. Азимзаде², У.У. Гасанова³, Л.З. Новрузова⁴

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

²Институт образования Азербайджанской Республики
Азербайджанская Республика, AZ1010, Баку, ул. З. Алиева, 96

³Бакинский государственный университет
Азербайджанская Республика, AZ1148, Баку, ул. З. Халилова, 23

⁴Школа Baku International Education Complex
Азербайджанская Республика, AZ1148, Баку, пр. Матбуат, 54

Аннотация. В статье показана краткая история возникновения азербайджанской школы этнопсихологических исследований и раскрыта роль Т.Г. Стефаненко в ее становлении. Представлены результаты, накопленные за первые годы развития традиции этнопсихологических исследований в Баку под непосредственным руководством Т.Г. Стефаненко: особенности этнической идентичности подростков из азербайджанских и азербайджанско-русских семей; межкультурные различия ценностных ориентаций студентов, проживающих в Азербайджане и России; связь временной перспективы и особенностей этнической идентичности у представителей азербайджанской и русской культур.

Ключевые слова: Т.Г. Стефаненко, азербайджанская школа этнопсихологии, межкультурные различия, этническая идентичность, ценностные ориентации, инокультурная среда, временная перспектива, Азербайджан и Россия

Введение

В Азербайджане научные квалификационные работы по социальной психологии выполняют только выпускники Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова. В других вузах Баку, готовящих психологов, квалификационные исследования не являются обязательными.

С 2013 года на факультете психологии Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова существует магистратура по социальной психологии. К настоящему моменту подготовлено 17 магистров. Трое из них написали магистерские диссертации под руководством Т.Г. Стефаненко и посвятили их этнопсихологии. В большинстве других выпускных работ бакалавриата и

магистратуры Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова, так или иначе, затрагивается аспект культурной специфики эмпирических психологических данных.

Бакинские бакалавры и магистранты в своих выпускных работах часто обращаются к темам психологических особенностей азербайджанцев, адаптации психодиагностических методик к специфическим условиям азербайджанской культуры. Интерес студентов, в частности, вызывают гендерные стереотипы, особенности проявления эмоций у мужчин и женщин в азербайджанской культуре, особенности субъективного отношения к этническим музыкальным произведениям различных культур. Анализ различных психологических конструкторов часто сопровождается сравнением их проявлений у представителей русского и азербайджанского этносов. В дипломных работах можно встретить описания культурного своеобразия процессов обобщения в мыслительной деятельности, представлений об эмоциях, воспроизведения сюжетного материала, успешности идентификации лиц разной этнической принадлежности. В поле зрения местных психологов попали ценностные ориентации и эмоциональное благополучие специалистов в условиях адаптации к инокультурной среде.

Все студенты филиала проходят обязательный курс этнопсихологии, с которым их в первые годы работы филиала знакомила Татьяна Гавриловна, а потом – ее ученица Наталья Георгиевна Малышева. После ухода Татьяны Гавриловны появляются новые работы, которые неизбежно начинаются с ее учебников и продолжают ее идеи. Этнопсихологический компонент заметно присутствует также в исследованиях, продолжающихся на других специализациях Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова. В частности, в магистратуре по психологии развития недавно появилась выпускная работа, посвященная психологической готовности к школе бакинских и московских дошкольников. Поэтому можно утверждать, что этнокультурная специфика в Баку никогда не выйдет из числа научных приоритетов во всех направлениях психологических исследований.

Но собственно этнопсихологических исследований – с соответствующим дисциплине предметом и инструментарием – пока не много. Как уже говорилось, в магистратуре по социальной психологии защищены три магистерские диссертации по этнопсихологической тематике, и во всех научным руководителем выступала Т.Г. Стефаненко. Как всегда, она принимала самое активное участие в разработке программ исследований и осмыслении данных. Ранее эти результаты публиковались только фрагментами и разрозненно. В данной публикации представлены основные направления этнопсихологических исследований и их основные выводы, отражающие коллективный опыт учеников Т.Г. Стефаненко в Баку, state-of-the-art азербайджанской этнопсихологии.

Основные направления этнопсихологических исследований в Бакинском филиале МГУ имени М.В. Ломоносова

Задачей исследования *этнической идентичности*, проведенного Лейлой Новрузовой (Шириновой), было определение выраженности аффектив-

ного и когнитивного компонентов этнической идентичности у подростков – выходцев из азербайджанских и смешанных браков (Ширинова, 2017). С помощью опросника Дж. Финни в адаптации А.М. Арбитайло (Стефаненко, 2012) сравнивалась выраженность аффективного и когнитивного компонентов этнической идентичности, по опроснику О.Л. Романовой (Стефаненко, 2012) было оценено чувство принадлежности к своей этнической группе. Методика Ж.Т. Уталиевой (Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997) использовалась для измерения удовлетворенности респондентов своим членством в этнической общности. Необходимо отметить, что оригинальный опросник Ж.Т. Уталиевой был составлен для казахской выборки, его адаптация в работе Л. Новрузовой ограничилась заменой слов «казахи» на слова «азербайджанцы».

В выборку вошли 75 подростков в возрасте 13–17 лет, ученики 8–11 классов русского сектора пяти школ города Баку. 39 подростков были детьми из азербайджанских браков (из них 21 девочка), 36 подростков – из русско-азербайджанских браков (из них 25 девочек). Общее соотношение мальчиков и девочек – 41 к 59 %.

Основным результатом стало то, что у подростков из русско-азербайджанских семей менее выражена этническая идентичность, как ее когнитивный, так и аффективный компоненты. При этом, как у детей из азербайджанских, так и из русско-азербайджанских семей, показатель аффективного компонента этнической идентичности превышает показатель когнитивного компонента. Судя по полученным результатам, дети из азербайджанских семей больше чувствуют принадлежность к своей этнической группе, чем подростки из русско-азербайджанских семей, для них национальность более значима, они менее позитивно воспринимают взаимоотношения между этническим большинством и меньшинством, чаще используют язык национального большинства.

Выраженность когнитивного компонента этнической идентичности у выходцев из азербайджанских браков показывает, что азербайджанцы в силу социализации в моноэтнической семье больше знают о своей этнической группе, чем подростки из русско-азербайджанских семей, у которых это знание делится на части. Выраженность аффективного компонента у подростков из азербайджанских семей говорит о том, что более сильные чувства появляются тогда, когда нет выбора. Если подростки из русско-азербайджанских семей «делят» свои чувства между двумя этническими группами, то дети из азербайджанских браков с этим не сталкиваются. К тому же, у подростков из моноэтнической среды нет необходимости осознанно собирать информацию о своей этнической группе. А эмоциональный компонент формируется без особых умственных усилий.

Шкала, отражающая отношение к взаимосвязи этнического большинства и меньшинства показывает, что подростки из русско-азербайджанских браков больше поддерживают этнически смешанные отношения, чем азербайджанцы. Объяснение этого лежит на поверхности: для русско-азербайджанских детей полиэтническое окружение является более привычным. Азербайджанцы же могут примешивать к своим оценкам межэтнических отношений всеобщее и естественное стремление различения «своих» и «чужих».

Любопытные результаты дало «вынужденное» (согласно инструкции) указание своей принадлежности к одной из этнических групп. 7 из 36 детей

от смешанных браков отнесли себя к русским (у четверых из них русскими являются отцы, а у троих – матери), а 29 подростков назвали себя азербайджанцами. И в русской, и в азербайджанской культуре чаще принято выбирать отцовскую национальность. Примечательно выглядят случаи, когда подросток из семьи, где мать азербайджанка, а отец русский, относят себя к азербайджанцам. Причина этого лежит в особенностях социального окружения, так как все респонденты проживают в Азербайджане, где слово *азербайджанцы* означает не только этнос, но и гражданство. Более неожиданными являлись случаи, когда по отцовской линии подростки были азербайджанцами и проживали в Азербайджане, но относили себя к русскому этносу, то есть к группе матери. Причины этого могут быть разными, но важно, что они успешно конкурируют со стереотипами традиции.

Также в данном исследовании была выявлена связь между значимостью национальности и возрастом подростков: чем старше подросток, тем менее для него значима национальность. Это может быть связано со стремлением подростков выделиться из толпы посредством индивидуальных отличий, а не специфических признаков группы.

В исследовании *ценностных ориентаций*, проведенном Айдан Азимзаде, была поставлена цель – оценить влияние инокультурной среды на иерархию ценностных ориентаций азербайджанских и русских студентов, проживающих в Азербайджане и России (Азимзаде, 2016). В исследовании решался простой вопрос: где встречается больше сходства – между азербайджанскими и русскими студентами, живущими в одной и той же стране, или между представителями одного и того же этноса, где бы они ни жили? Для ответа на этот вопрос были опрошены четыре категории респондентов: азербайджанцы и русские, проживающие в Азербайджане и России.

Из 200 опрошенных (121 девушка и 79 юношей) половина были студентами русскоязычных азербайджанских вузов (Бакинский государственный университет, Бакинский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, Азербайджанский архитектурно-строительный университет, Азербайджанский государственный экономический университет), вторая половина – студенты российских вузов (МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РЭА имени Г.В. Плеханова, СПбГУ).

Для измерения ценностных ориентаций личности была использована последняя версия методики «Ценностный опросник» Ш. Шварца, адаптированная в НИУ ВШЭ с участием автора исследования. Данная методика является наиболее распространенной в кросс-культурных исследованиях ценностных ориентаций личности (Schwartz, 2012). Также была использована методика Г. Триандиса «ИндКол» (Triandis, 1996) в адаптации А.Е. Бушминой.

Согласно результатам исследования, в *Азербайджане различия между русскими и азербайджанцами* наблюдаются по трем ценностям. Ценность *власть, доминирование* более значима для русских, ценности *гедонизм* и *универсализм, забота* более значимы для азербайджанцев. Отсутствие других различий в ценностных ориентациях азербайджанцев и русских, проживающих в Азербайджане, можно в широком смысле рассматривать как результат гибридизации культур, а более конкретно – тем, что они прошли школьное

обучение в русском секторе и в вузе обучаются на русском языке. Студенты русского сектора преимущественно читают русскую литературу, их преподавателями часто являются русские. Русский язык не только является официальным языком обучения, но и часто используется в повседневной жизни. То есть не только русские в процессе адаптации перенимают ценности азербайджанцев, но и азербайджанцы гибридизированы с русской культурой.

Различия между ценностями *русских, проживающих в Азербайджане и России*, выявлены не были. Специфика самой выборки оказала большее влияние, чем фактор проживания в чужой культуре.

В ценностной системе *азербайджанцев, проживающих в России*, наблюдается больше различий с *русскими, проживающими в России*. По половине изучаемых ценностей зафиксированы статистически значимые различия. Ценности *самостоятельность мысли, гедонизм, власть, доминирование* более значимы для русских, ценности *репутация, социальная безопасность, традиционализм, благожелательность, надежность, универсализм, забота* более значимы для азербайджанцев.

В этом проявляется бóльшая закрытость азербайджанцев к изменениям, стремление сохранить свою самобытность. Проживание в полиэтнической России включает отношения с представителями многих этнических групп. В восприятии азербайджанцев представители других национальностей образуют менее дифференцированное множество «Они», чем отчетливая разница между «Они» и «Мы». Противопоставление себя окружению способствует тому, что азербайджанцы в России больше пытаются сохранить «свое», нежели адаптироваться. Даже обучение на русском языке меньше приближает их к русским, так как в России это не вопрос выбора, как в Азербайджане. Восприятие себя иностранцами в чужой культуре подкрепляется позицией семьи и стратегией культурной политики страны, проявляющейся в активности национальных представительств, организации культурных мероприятий для сплочения диаспоры (эти программы активно организуются для студентов). Поэтому азербайджанцы, проживающие в России, проявляют меньшую открытость к изменениям, традиционализм.

Сравнение ценностных ориентаций *азербайджанцев, проживающих в Азербайджане и России* показало, что ценности *самостоятельность мысли и гедонизм* более значимы для азербайджанских студентов, проживающих в Азербайджане, а *традиционализм и универсализм, толерантность* более значимы для азербайджанских студентов, проживающих в России. Азербайджанцы в России, не только по сравнению русскими, проживающими в двух странах, но и по сравнению с азербайджанцами в Азербайджане оказываются «еще большими азербайджанцами» – стремятся сохранить традиционную для азербайджанцев коллективистскую направленность.

Результаты методики Г. Триандиса «ИндКол» выявили не различия, но особенности, общие для всей выборки – студентов, обучающихся в окружении представителей как своего, так и другого этносов. Так, во всех четырех группах яркую выраженность имеет горизонтальный индивидуализм – культурный образец, где постулируется автономия личности, но личность более или менее равна по статусу с другими (Gozma, 2011). Для азербайджанцев и

русских, вне зависимости от страны проживания, характерно желание быть самостоятельными, независимыми, сохранить свою уникальность. Но в то же время для них не характерно стремление к власти, высокому статусу, иерархии в межличностных отношениях. Они видят себя равными с другими и менее склонны к сравнению себя с другими. По показателю индивидуализм – коллективизм у большинства студентов была выявлена наибольшая выраженность индивидуализма. Только у азербайджанцев, проживающих в России, коллективизм был выражен значительно больше, чем в трех других подвыборках.

В целом отсутствие различий в ценностной системе среди русских, проживающих в Азербайджане и России, выдвигает предположение об их высокой закрытости к изменениям. В подтверждение этого предположения азербайджанцы, живущие в другой стране, тоже более закрыты к изменениям. Но на фоне этого интересна большая открытость русскому культурному влиянию азербайджанцев, остающихся в своем родном окружении.

Исследование Улькер Гасановой о связи особенностей *этнической идентичности и временной перспективы* азербайджанских и русских студентов представляет собой классический пример кросс-культурного подхода (Гасанова, 2016). В данном исследовании в качестве фактора этнической идентичности изучена временная перспектива (Zimbardo, Boyd, 1999). Для этого были использованы методика Дж. Финни в адаптации А.М. Арбитайло, включающей дополнительный пункт, который наряду с констатируемой идентичностью позволяет оценить собственное переживание этнической идентичности респондентом (Стефаненко, 2012), а также адаптированный опросник временной перспективы ZPTI Ф. Зимбардо (Сырцова, Соколова, Митина, 2008).

В исследовании приняли участие 220 студентов: половина – из Баку (студенты Бакинского государственного университета, Азербайджанской государственной нефтяной академии, Бакинского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова); половина – из Москвы (студенты МГУ имени М.В. Ломоносова). Все респонденты этнически относят себя либо к азербайджанцам, либо к русским, и оба их родителя являются азербайджанцами (в Баку) либо русскими (в Москве).

Сравнение средних значений по показателям выраженности этнической идентичности и ее компонентов для азербайджанской и русской выборок показало, что для обеих групп характерно преобладание эмоционального компонента над когнитивным (как и в исследовании Л. Шириновой подгрупповой выборки), то есть отношение к своей этнической группе в первую очередь задействует переживание и только во вторую – размышление.

Как и в исследовании А. Азимзаде, у азербайджанских студентов выраженность этнической идентичности и ее компонентов значимо превышает выраженность таковых у русских студентов. Выраженность когнитивного компонента этнической идентичности азербайджанской молодежи проявляется сильнее, то есть у них больше стремления к знаниям по теме этнической принадлежности, чем у русских студентов. Возможно, это связано с тем, что до сих пор в азербайджанском обществе нет единогласия по поводу этнонима. Споры о самоназвании возбуждают эмоции и побуждают к рефлексии.

Анализ *временной перспективы* показал, что для *азербайджанцев* на первом месте находится ориентация на *будущее*, за которым следуют *позитивное прошлое*, *гедонистическое настоящее*, *негативное прошлое* и *фаталистическое настоящее*. У Ф. Зимбардо имеется предположение о том, что образование является одним из предикторов такой направленности, поскольку люди, получающие образование, ориентированы на построение жизненных планов, карьеры, постановку долгосрочных целей (Aspinwall, 2005). Следует подчеркнуть, что для азербайджанской выборки направленность на *гедонистическое настоящее*, выражающееся в стремлении получать удовольствие от настоящего, предаваться увлечениям сегодняшнего дня, уступает их направленности на *будущее* и *позитивное прошлое*. Ориентированность на цели, планы является большим приоритетом, чем развлечения настоящего. Возможно, особенности культуры, в которой система воспитания направлена на идею построения будущего на основе образцов из прошлого, влияет на подобную тенденцию (Мацумото, 2003).

Временная перспектива русских студентов, в отличие от азербайджанских, оказалась неоднородна по половому признаку. У девушек на первом месте стоит направленность на *позитивное прошлое*, далее следуют *будущее* и *гедонистическое настоящее*. У юношей последовательность временных ориентаций такова: *гедонистическое настоящее*, *будущее*, *позитивное прошлое*. Правда, конец этих списков одинаков: *негативное прошлое* и *фаталистическое настоящее*.

Сравнение временной перспективы азербайджанской и русской выборок показало, что азербайджанская молодежь значимо больше направлена на ожидаемые события *будущего*, на постановку целей, связанных с будущими планами на жизнь. Перед азербайджанцами на каждом этапе жизни и ступени образования ставятся определенные цели, связанные с перспективой будущего, что обусловлено особенностями культуры азербайджанского общества, для которого характерны специфические представления о «расписании жизни». Требования, предъявляемые как к поведению, действиям, так и к когнициям, характеризуют то, что необходимо «успеть» к тому или иному этапу жизненного пути. Как показывает корреляция между ориентацией на *будущее* и *позитивное прошлое*, будущее у азербайджанцев подпитано перспективой прошлого, которая задает беспрюирышный, проверенный временем алгоритм действий, модель поведения. Эти данные согласуются с утверждениями о том, что люди строят некий мост между прошлым и будущим: «чем глубже прошлое, тем дальше они идут в будущее» (Gary, James, 1991). Юность в этом плане – время реализации возможностей, где удовольствиям и развлечениям в структуре временной перспективы придается второстепенное значение.

Полученные различия по направленности на *фаталистическое настоящее* показали, что, несмотря на его расположение на последнем месте у представителей обеих культур, для азербайджанских девушек вера в неконтролируемость событий настоящего характерна больше, чем для русских девушек. Если обратить внимание на корреляцию *фаталистического настоящего* с другими временными ориентациями у девушек азербайджанской и

русской культур, общим для них является его положительная связь с *негативным прошлым* и отрицательная связь с *будущим*. То есть у женщин азербайджанской и русской культур представления о настоящем как о неподвластном человеку жизненном пути, в котором нет смысла строить планы на будущее, детерминировано отрицательными событиями и мыслями прошлого. Причем у азербайджанок чем больше выражена направленность на неприятные воспоминания прошлого, тем меньше задействована перспектива *позитивного прошлого*, прошедшие негативные события оставляют приятные воспоминания в тени; девушкам тяжело оставить «прошлое в прошлом», что усложняет переход на перспективу будущего.

У русской молодежи такой связи нет, то есть приятные мысли и воспоминания прошлого не уменьшаются с ростом негативных мыслей. У русских студентов, в отличие от азербайджанских, представления о непредсказуемости и неконтролируемости событий связаны с мыслями о настоящем как о времени, в котором нужно руководствоваться принципом «здесь и сейчас», получать удовольствие от сегодняшнего дня, ведь неизвестно, что будет завтра. Для русских характерна связь когнитивного компонента этнической идентичности с направленностью на *позитивное прошлое*. Если вспомнить определение *позитивного прошлого* Ф. Зимбардо как перспективы, которая обеспечивает связь с наследием культуры, то полученная связь не выглядит случайной.

В целом для обеих культур характерны высокие результаты по показателям ориентации на *будущее* и *позитивное прошлое* и низкие – по показателям *негативное прошлое*, *фаталистическое настоящее*. Подобную направленность, наряду с концепцией Ф. Зимбардо объясняет и теория временной адаптации оценки ситуаций, согласно которой, людям свойственны радужные представления о своем прошлом (*rosy retrospection*) и будущем (*rosy propection*) (Terence, Leigh, 1994).

Заключение

Итак, краткий анализ исследований, выполненных в зарождающейся азербайджанской школе этнопсихологических исследований, позволяет говорить не столько об уже наработанном опыте кросс-культурных и этно-специфических исследований, сколько о складывающемся интересе к направлениям научной работы в этой области. Молодые психологи уделяют повышенное внимание наиболее наглядным отличительным признакам своего окружения. Первыми в поле зрения попадают демографические признаки – возраст, пол и этническая принадлежность, а эмпирическим объектом становятся сверстники – подростки и студенты, различающиеся полом и основным языком общения. И хотя все методики направлены на выявление различий между отдельными когортами населения, в сумме они очерчивают особенности одной категории – азербайджанской молодежи.

Историческая связь с Россией и российской психологией делает этническое своеобразие наиболее привлекательным предметом исследований в вузе, где российские преподаватели учат азербайджанских студентов, а богатство проявлений национальных культур гарантируют неисчерпаемость этой

темы. Татьяна Гавриловна Стефаненко определила направления и теоретические основы новых этнопсихологических разработок уже в своих учебниках (Стефаненко, 2012, 2014), а в личном руководстве магистерскими диссертациями придала им конкретное тематическое направление.

Тема *этнической идентичности подростков* из смешанных браков создает яркую модель переплетения корней больших этнических групп внутри малой группы – семьи. В масштабе личности и малой группы эта модель доступна эмпирическому психологическому наблюдению и помогает понять аналогичные процессы, происходящие на уровне общества. Перемены, связанные с обретением Азербайджаном государственной независимости, внесли новое заметное измерение в переживание населением страны принадлежности к этносу. Вместе с традиционным смыслом лингвокультурной общности, этнос приобрел отчетливые гражданские границы. В новых условиях национального самосознания азербайджанцам, как и другим этносам, попавшим в аналогичную историческую ситуацию, нужно формировать новую, синтетическую идентичность, но старые методы ее оценки не учитывают эту особую реальность. Перспектива этого направления – разработка методов, чувствительных к различению корней идентичности в историческом прошлом и сложносоставном настоящем.

У подростков переживание идентичности – это именно яркое переживание, а не холодное знание. Психологическое состояние детей из смешанных браков диктуется внутренним конфликтом. Они смущены нечеткостью своей этнической принадлежности. Как выясняется, выбор этнонима для себя – только поверхностная часть комплекса переживаний ребенка из смешанной семьи. Внутренний мир усложняется вдвое и требует умножения когнитивных и эмоциональных усилий для конструирования непротиворечивой картины окружающего мира. Следовательно, следующими в очереди для изучения являются дети, воспитанные в моноэтнических азербайджанских браках, но погруженные в русскоязычную среду не меньше, чем в азербайджанскую. Так называемый русский сектор национальной системы образования охватывает 7 % детей Азербайджанской Республики, чья идентичность предопределена не только этническим составом семьи, но и включенностью в русскоязычную среду, меняющую маршрут контакта с общеевропейской и мировой культурой.

Рассмотрение *этнической специфики ценностных ориентаций* – практический путь интеграции с мировым опытом кросс-культурных исследований. На азербайджанской выборке собраны первые результаты с помощью широко распространенных в мире методик, что позволяет включать эти данные в проекты с широкой географией и временной перспективой. Ценностные ориентации – «барометр общественных настроений». Стандартизированные методики их измерения освоены азербайджанскими психологами и продолжают приносить плоды в отслеживании происходящих и грядущих перемен. Следующий шаг в развитии этой темы – привлечение качественных методов для более обоснованной интерпретации оценочных показателей.

Психологическое отношение ко времени и временные изменения в психологии – сквозной аспект большинства тем научных и общественных дис-

куссий. Временная перспектива по определению не ограничена темпоральным вектором, в ней также присутствует ценностное измерение, которое задано самой лексикой темы: время – «гедонистическое», «позитивное-негативное», «фаталистическое». Конструкт этнической идентичности не упрощает, а наоборот – представляет модель связи человека со временем ближе к реальности, сложнее. Личность в отношении к своей изменчивости является результатом изменений больших групп, а в период общественной трансформации больше всего зависит от изменений этноса.

Азербайджанская действительность демонстрирует быстрые внешние изменения и устойчивость внутренних традиций. Как показывают проведенные исследования, будущее у азербайджанцев выстраивается из прошлого – консервативной традиции социума, сценарных предписаний семьи, переменчивых влияний окружающего мира. Пока это привело к настоящему, в котором не одномерные работы по этнопсихологии связывают сложные феномены неявными отношениями. Практика показывает, что, начавшись с инициативы Т.Г. Стефаненко, научные исследования в этой области успешно продолжаются, а значит, у азербайджанской школы этнопсихологических исследований есть будущее.

Список литературы

- Азимзаде А.А.* Кросс-культурный анализ ценностных ориентаций азербайджанских и русских студентов // Материалы XXIII Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2016». М.: Изд-во Московского университета, 2016.
- Гасанова У.У.* Временная перспектива и факторы, влияющие на ее сбалансированность // Материалы XXIII Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2016». М.: Изд-во Московского университета, 2016.
- Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
- Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: практикум. М.: Аспект Пресс, 2012.
- Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника по временной перспективе Ф. Зимбардо на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2008. № 3. С. 101–109.
- Ширинова Л.З.* Особенности этнической идентичности студентов из азербайджанских и русско-азербайджанских браков // Материалы XXIV Международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017». М.: Изд-во Московского университета, 2017.
- Aspinwall L.G.* The psychology of future-oriented thinking: From achievement to pro-active coping, adaptation, and aging // Motivation and Emotion. 2005. Vol. 29. Pp. 203–235.
- Gary K., James W.* The Development of Time Orientation Measures For Use in Cross-Cultural Research // Advances in Consumer Research. 1991. Vol. 18. Pp. 135–142.
- Gozma Í.* How are individualism and collectivism measured? // Romanian Journal of Applied Psychology. 2011. No. 1. Pp. 11–17.
- Schwartz S.H.* An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. No. 1. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
- Tizard B., Phoenix A.* Black identity and transracial adoption // New Community. 1989. No. 15(3). Pp. 427–438.

Triandis H.C. The psychological measurement of cultural syndromes // *American Psychologist*. 1996. No. 4. Pp. 407–415.

Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-difference metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77. P. 1271–1288.

История статьи:

Поступила в редакцию: 16 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Ширков Ю.Э., Азимзаде А.А., Гасанова У.У., Новрузова Л.З. Влияние Т.Г. Стефаненко на становление Азербайджанской школы этнопсихологических исследований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 1. С. 196–208. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-196-208>

Сведения об авторах:

Ширков Юрий Эдуардович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ORCID iD: 0000-0003-3040-659X, eLIBRARY SPIN-код: 7257-5883. E-mail: shirkov@mail.ru

Азимзаде Айдан Алтай гызы, специалист отдела психологической службы Института образования Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан). E-mail: aydaska_1495@mail.ru

Гасанова Улькер Узеир гызы, преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, факультет психологии и социальных наук, Бакинский государственный университет (Баку, Азербайджан). E-mail: ulkar.h.u@gmail.com

Новрузова (Ширинова) Лейла Закир гызы, психолог школы Baku International Education Complex (BIEC) (Баку, Азербайджан). E-mail: leylashirinova@yahoo.com

Scientific report

Tatiana G. Stefanenko's Impact to the Development of Ethnopsychological Research in Azerbaijan

**Yuri E. Shirkov¹, Aydan A. Azimzade²,
Ulkar U. Hasanova³, Leyla Z. Novruzova⁴**

¹Lomonosov Moscow State University

11 Mokhovaya St., bldg. 9, Moscow, 125009, Russian Federation

²Institute of Education of the Republic of Azerbaijan

96 Zarifa Aliyeva St., Baku, AZ1010, Republic of Azerbaijan

³Baku State University

23 Academic Zahid Khalilov St., Baku, AZ1148, Republic of Azerbaijan

⁴Baku International Education Complex

54 Matbuat Ave., Baku, AZ 1148, Republic of Azerbaijan

Abstract. The article provides a brief historical survey of the Azerbaijani school of ethnopsychological research, revealing the role of T.G. Stefanenko in its development. The authors present the results accumulated during the first years of ethnopsychological stu-

dies in Baku under the direct supervision of T.G. Stefanenko: (1) features of the ethnic identity of adolescents from Azerbaijani and Azerbaijani-Russian families; (2) cross-cultural differences in the value orientations of students living in Azerbaijan and Russia; and (3) the relationship of the time perspective and characteristics of ethnic identity among representatives of Azerbaijani and Russian cultures.

Key words: Tatiana G. Stefanenko, Azerbaijani school of ethnopsychology, cross-cultural differences, ethnic identity, value orientations, cultural environment, time perspective, Azerbaijan and Russia

References

- Aspinwall, L.G. (2005.) The psychology of future-oriented thinking: From achievement to pro-active coping, adaptation, and aging. *Motivation and Emotion*, 29, 203–235.
- Azimzade, A.A. (2016). Kross-kul'turnyy analiz tsennostnykh oriyentatsiy azerbaydzhanskikh i russkikh studentov. *Lomonosov-2016: Conference Proceedings*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Dontsov, A.I., Stefanenko, T.G., & Utaliyeva, Zh.T. (1997). Yazyk kak faktor etnicheskoy identichnosti. *Voprosy Psikhologii*, (4), 75–86. (In Russ.)
- Gary, K., & James, W. (1991). The Development of Time Orientation Measures For Use in Cross-Cultural Research. *Advances in Consumer Research*, 18, 135–142.
- Gozma, I. (2011). How are individualism and collectivism measured? *Romanian Journal of Applied Psychology*, (1), 11–17.
- Hasanova, U.U. (2016). Vremennaya perspektiva i faktory, vliyayushchiye na yeye sbalansirovannost'. *Lomonosov-2016: Conference Proceedings*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Matsumoto, D. (2003). *Psikhologiya i Kul'tura*. Saint Petersburg: Praym-Yevroznak Publ. (In Russ.)
- Schwartz, S.H. (2012). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
- Shirnova, L.Z. (2017). Osobennosti etnicheskoy identichnosti studentov iz azerbaydzhanskikh i russko-azerbaydzhanskikh brakov. *Lomonosov-2017: Conference Proceedings*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Sircova, A., Sokolova, E.T., & Mitina O.V. (2008). Adaptation of Zimbardo Time Perspective Inventory. *Psikhologicheskyy Zhurnal*, (3), 101–109. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2014). *Etnopsikhologiya*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2012). *Etnopsikhologiya: Praktikum*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Tizard, B., & Phoenix, A. (1989). Black identity and transracial adoption. *New Community*, 15(3), 427–438.
- Triandis, H.C. (1996). The psychological measurement of cultural syndromes. *American Psychologist*, (4), 407–415.
- Zimbardo, P.G., & Boyd, J.N. (1999). Putting time in perspective: A valid, reliable individual-difference metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77, 1271–1288.

Article history:

Received: 16 December 2019

Revised: 20 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Shirkov, Y.E., Azimzade, A.A., Hasanova, U.U., & Novruzova, L.Z. (2020). Tatiana G. Stefanenko's Impact to the Development of Ethnopsychological Research in Azerbaijan. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 196–208. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-196-208>

Bio notes:

Yuri E. Shirkov, Ph.D. in Psychology, is senior researcher at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ORCID iD: 0000-0003-3040-659X, eLIBRARY SPIN-code: 7257-5883. E-mail: shirkov@mail.ru

Aydan A. Azimzade, MA in Psychology, is a specialist of the Psychological Service Department in the Institute of Education of the Republic of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan). E-mail: aydaska_1495@mail.ru

Ulkar U. Hasanova, MA in Psychology, is a lecturer at the Department of Social and Pedagogical Psychology, Faculty of Psychology and Social Sciences, Baku State University (Baku, Azerbaijan). E-mail: ulkar.h.u@gmail.com

Leyla Z. Novruzova (Shirinova), MA in Psychology, is a psychologist in Baku International Education Complex (Baku, Azerbaijan). E-mail: leylashirinova@yahoo.com